

Лев Кожевников

Как Бабай рыбу ловил

185

1

Давно это было, ох, давно...

В глухой татарской деревне жил-был Бабай. К слову сказать, жена у него, не старая ещё, но очень уж вредная была. Всю жизнь Бабай в дураках у неё проходил. Всегда во всём виноватый.

На ту пору как раз зима настала. Сугробы за одну ночь выше крыши намело, окна изморозью разрисовало, а над крыльцом и вовсе снежная шапка нависла.

Вот затопила старуха печь, сама на двор собралась.

– Ай-яй! Снегу-то... снегу намело! Полный двор! Куда такое годится...

Хлопнула в сердцах дверь и – вниз по ступеням. Скотину проведать. Да так, видно, хлопнула, что снег с крыши прямо ей же на голову съехал. Целый сугроб! Кое-как с криками, с бранью выбралась старуха из сугроба, Бабая на чём свет стоит всего изругала.

– Бабай, бездельник ленивый! Днями на печи валяешься, тебе мало, что жену чуть насмерть не завалило. Разгребай снег, иди!

За лопатой сбегала. И обратно в избу... Вытолкала заспанного Бабая на крыльцо, и лопату в руки.

– Кому сказано, лодырь несчастный? Спишь, а тут снегу по самые уши... Греби давай, что ли! В хлев к скотине не пройди. Корова с утра ревёт, есть просит.

Зевнул Бабай, сладко, с подвывом. И снова в избу.

– Дай хоть тулуп надену... валенки.

Бранится старуха на всю улицу. Далеко слышать.

– За дровами надо ехать. Дрова кончаются. И сено!.. Давно уж говорю, вывези. А этот, шайтан ленивый, с осени на печи вылёживается.

– погоди, абика*. У нас дрова где? За рекой? А лёд только-только встал. Как поедешь?

* *эби (там.)* – бабушка.

– А как все люди ездят? Сел в сани да поехал. А тебя, лодыря, пока с печи не сковырнёшь, ты до весны лежать будешь!

Сама в избу ушла. Да дверь за собой так хлопнула, что остатки снега с крыши на Бабая съехали. Отряхнулся старый, а чего делать – не знает. То ли снег грести, то ли за дровами, а то вообще за сеном ехать?

Ярый, ладно! За дровами так за дровами, решил. Лишний раз старуху теперь лучше не трогать, греха не оберёшься. Отправился Бабай на конюшню, лошадёнку в сани запряг. И вон со двора.

– Пошла, милая!

Только его и видели. Выскочила старуха на крыльцо следом. Пуще того бранится:

– Бабай! Бабай! Тебя куда понесло, шайтан бестолковый?.. А снег грести?.. Тьфу, ты! Опять сбежал паразит.

2

Вот едет Бабай по заснеженным полям, по перелескам. Не спеша едет, всё равно лошадёнка худая, старая, погонять бесполезно. И приехал на берег реки. На берегу там сухое дерево стоит. Толстое, корявое, издалека видать. Вылез Бабай из саней на лёд. Ногой раз, другой топнул. Попрыгал, ещё потоптался. Потом сдвинул малахай на лоб, и в затылке чешет.

– Нет, за дровами рано. Лёд слабый. За дровами через неделю разве?.. Другую? А сейчас я лучше порыбачу. До смерти свежей рыбки охота.

Свёл Бабай упряжку с берега на лёд, торбу с овсом лошадёнке на шею повесил.

– Кушай, милая. Отдыхай.

Потом достал из саней пешню и лунку во льду продолбил. Только на охапку сена сел, в сани, даже удочку не успел забросить. Вдруг!.. Шаги за спиной! Грузные, тяжёлые... Глянь! Да никак сам Шурале со стороны леса прямо к нему идёт. Огромный, рыжий, втрое больше человека. Подошёл и возле лунки в снег сел. Дёрнулся Бабай

с перепугу, но сделал вид, будто ничего особенного не произошло.

– Саям, Бабай! – Голос у Шурале хриплый, простуженный. И воняет от него. Одно слово, «нечистый».

Бабай подальше, в сторону отодвинулся. Молчит.

– Ты чего тут делаешь?

– Я... рыбачу, как видишь.

– Ну, вижу. А ты знаешь, Бабай, что за любительскую рыбалку теперь платить нада. Этот... как его? Закон есть.

– Врёшь, нечистая сила!

– Сто рублей – сутки.

У Бабая от такой новости глаза на лоб. Ослышался, что ли?

– Сто рублей?!

– Сто рублей.

– Да, тьфу на тебя! У меня удочка гроша не стоит. Возьми удочку, коли так. Бери.

Шурале только башкой покачал.

– Однако платить нада. Закон есть. Незнание закона, сам понимаешь, ответственность не избавляет.

– Сто рублей, Шурале, ты со всей деревни не соберёшь. Нет у меня ста рублей!

– Я знаю. Худо живёшь.

– И чего тогда?

– Тогда давай так сделаем. Три первые рыбы – это моя рыба. Ещё одну поймал – твоя рыба. Потом снова три поймал – снова моя рыба. Потом одну поймал – опять твоя рыба.

Такое предложение Бабаю сильно не понравилось.

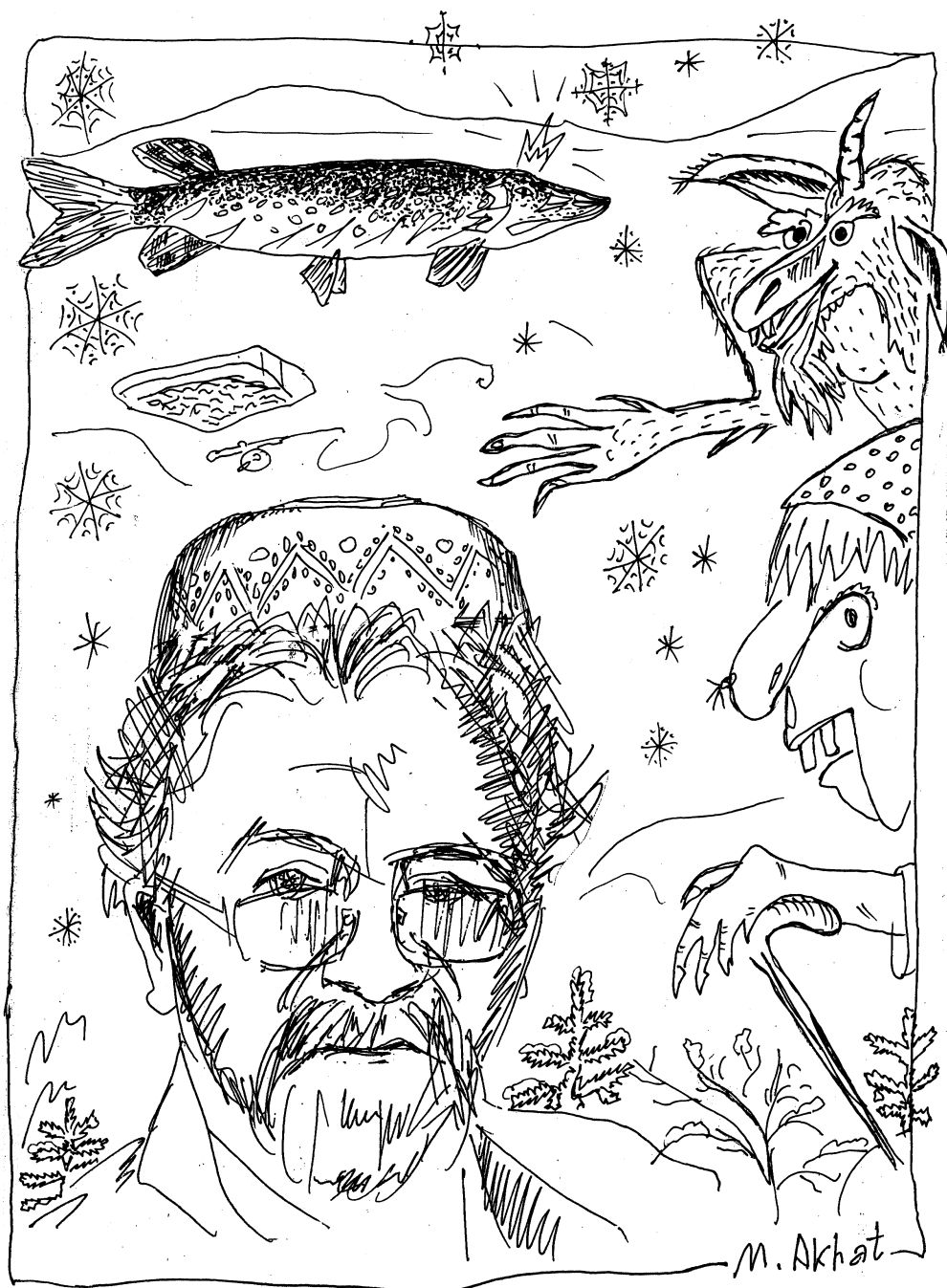
– Э-э! Так нечестно!

Но Шурале слышать ничего не желает, на своём стоит.

– Сто рублей платить – у него нет. Три рыбы – жалко. Ладно, звоню в Казань, в милицию... тьфу, полицию! Пусть ОМОН посылают. И в зиндан тебя. В зиндане Новый год встречать будешь.

Залез нечистая сила лапой себе в карман, мобильник достаёт. Видит Бабай, дело совсем худо оборачивается. Будь она неладна эта рыбалка.

– Ладно, ладно! Согласен. Три так три...

Шурале мобильник обратно в карман сунул. Башкой трясёт.

– Закон уважать нада. Сам понимать должен.

Ну, что тут скажешь? Делать нече-

го. Закинул Бабай удочку в лунку. Сидят оба, рыбачат. Долго сидели, молча. Наконец, Шурале не выдержал.

– Ну? Как?

– Пока никак. Сам видишь.

Вдруг откуда ни возьмись, снежный вихрь налетел. У Бабая едва малахай с головы не сорвало. Глаза поднял, а возле него, над лункой, Убырлы-карчек стоит... старая ведьма! С клюкой в руке. Откуда? Каким ветром надуло?.. И смотрит на обоих подозрительно, злые иголки в глазах.

– Вы чего тут делаете?

Шурале, похоже, не слишком ведьме обрадовался. Башкой трясёт.

– Незаконная рыбалка, однако. Разрешения не имеет. Сто рублей тоже нет. И налог опять же... давно не платит.

– У-у! Совсем дело худо. В полицию звонил?

Шурале только лапой махнул.

– На первый раз пожалеть решил. Мало-мало.

– Мало-мало?.. Это сколько?

– Первые три рыбы – это мне. Одна ему. Потом снова три рыбы мне...

– Якши, якши! – обрадовалась ведьма. Также башкой трясёт. – Ладно, первые три рыбы Шурале. Вторые три – Убырлы-карчек. Седьмая – тебе, Бабай.

– А я чего говорю? Шесть нам, одна тебе! Шесть нам, одна тебе... Бабай, он умный. Он согласен. Согласен, Бабай?

Покряхтел Бабай, в затылке почесал. А куда деваться? Семь так семь... Вот сидят они втроём. Рыбачат. Долго сидели, поклёвку ждали. Наконец, Шурале не выдержал. Под ним в снегу уже проталина образовалась.

– Ну? Как?

Бабай только руками развёл.

– Пока никак... сам видишь.

Едва он эти слова сказал, вдруг рядом как грохнет! Всех троих враз дымом заволкло. Лошадёнка с перепугу едва сани не опрокинула. Когда дым, наконец, рассеялся, глядь – а над лункой Шайтан стоит. Огромный, толстый. В три раза больше Бабая. И толще. Щёки на плечах лежат.

– Ба! Какие люди! Исянмесез, ипташляр...* Исянмесез! – У самого рот до ушей. – Давно, давно не виделась, а? А ты, бабуля, всё хорошеешь, день ото дня. Ха-ха-ха!

– Какая я тебе бабуля, дурень?! Мне всего тыщу лет. И то в обед.

Даже клюкой замахнулась, до того ей обидно показалось. Бабай, нос в сторону, рукавицей дым отгоняет.

– Ффу... навонял-то как! Нечистая сила...

– А вы чего тут собрались? Что за курултай? – Шайтан спрашивает.

Убырлы железной клюкой Бабаю в бок ткнула.

– Да вот, Бабай этот... всякую совесть потерял. Про закон, говорит, знать ничего не знаю. И знать не хочу. Разрешения не имеет. Сто рублей платить отказывается. Браконьер, одно слово.

Бабай только рукой махнул. Ладно, ладно! Согласен, дескать. Три рыбы Шурале. Три – бабушке. И этому... тоже три. Мне, так и быть, десятая.

– Какая я тебе бабушка?! – взелась ведьма. Да железной клюкой так замахнулась, вот-вот ударит.

– Нет! Нет! Нет! Так в государстве дела не делаются! – заорал Шайтан. И каким-то удостоверением всем в нос тычет. – Федеральная инспекция! Федеральная инспекция, повторяю! Сюда слушать... Значит, так. Пять первых рыб в федеральный бюджет. Три вторых – в муниципальный. Две третьих рыбы – в местный бюджет. Всем ясно?

Шурале в удостоверение глянул. И впрямь... Печати федеральные. На гербовой бумаге. Подписи опять же. И фото... с большими погонами!

– А бюджет... это чего такое? – спрашивает.

Шайтан так глаза на него и выпучил. Ну, не дурак ли?

– Ха-ха-ха! У тебя карманы есть?

– Есть, есть карманы. Вот... и вот! Как нет?

* Исэнмесез, иптэшләр (тат.) – здравствуйте, товарищи.

– Вот это и есть бюджет! – сам к Бабаю повернулся. – Так, на что ловим?

– Ну, это... на червяка. Только вы бы потише, рыбу пугаете.

Сели они в кружок вокруг лунки, теперь уже вчетвером. Клёва ждут. Долго сидели, молча. Но надоело Шурале.

– Ну? Скоро уже?

– Сам видишь. – Бабай только руками развёл.

– А ты сетью не пробовал? – Шайтан спрашивает.

– Да где ж её взять?

Тем временем солнце над самым горизонтом зависло. Ветер начал задувать. Позёмку по льду гонит. Убырлы первая не выдержала.

– Ладно, пойду я. Захолодало что-то. Как бы тут вообще не околеть. А ты, Шурале, рыбу мою прихвати. Потом заберу.

Уковыляла ведьма. Восвояси. А эти остались. Сидят возле лунки, рыбачат. Бабай удочкой вверх-вниз дёргает. Да толку с того...

– Ну? Как? – Шурале спрашивает.

– Пока ничего.

– Темнеет уже. Пойду и я. Совсем хвост не чую, не отморозить бы. А с тебя, Бабай, барашка возьму. Закон, сам понимаешь. Уважать надо.

И этот ушёл. А Бабаю холод нипочём. На ногах валенки. Сам в тулупе до пят. Малахай на голове. Да ещё в санях на охалке сена сидит, а не в сугробе. Шайтан терпел, терпел, и тоже не выдержал. Зубами от холода клацает.

– Плохой ты рыбак, Бабай! Ерша сопливого за весь день поймать не смог. Тьфу, на тебя!

Плюнул с досады и будто сквозь землю провалился. Только дым столбом. Бабай рукавицей дым перед носом погонял. Ворчит:

– Ффу, нечистая сила! Навонял-то как... – Потом повозил у себя за пазухой, достал банку с червями. – Вот теперь можно и червячка насадить.

Снова забросил удочку. И тут же поклёвка. Таскает Бабай рыбу за рыбиной да сам себя нахваливает:

– Ай да, Бабай! Ай да, рыбка! Ух, ка-

кая! И ещё... того больше! – Наконец, собрал рыбу в мешок. На вес прикинул: – Пожалуй, кило десять будет? Слава Аллаху! Теперь и домой пора.

Сел Бабай в сани, вожжи в руки взял. Но вдруг передумал чего-то.

– Эх, была не была! Ещё раз закину, последний. И тогда уж точно домой.

4

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Сидел, сидел Бабай над лункой, всё зря. Клёв как отрезало. Уже и ночь наступила. Над речкой месяц завис. Звёзды на небо высыпали. Тишина. Только слышно, как лошадь овёс жуёт, вздыхает.

Вскочил Бабай, сам себя бранит. Ни одной поклёвки... Вай-вай! Всё, пора домой ехать. И чего, как дурак, тут высиживаю?

Снова в сани плюхнулся. И вдруг – поклёвка! Да такая, что удочку едва из рук не вырвало. Забежал Бабай вокруг лунки. То он рыбу тянет, то рыба его по снегу волочит. Задыхается Бабай, причитает:

– Ух ты! Это что за рыбина такая? Уй-уй! Никак сам шайтан на крючок попался? Э-э! Да у неё башка в лунку никак не пролезет...

Схватил Бабай из саней пешню и начал лунку обрубить. А в другой руке удочка, туда-сюда, из стороны в сторону Бабая мотает. Наконец, изловчился рыбак и вытащил на лёд огромную щуку.

– Вот так да! Сколь живу, а такой щучины в глаза не видывал. То-то жена обрадуется. Бранить перестанет...

Потом присмотрелся. Месяц-то ярко светит.

– А чего такое у этой щучины на башке? Блестит, вроде?... Абау, лопни мои глаза! Да это корона. Не простая, похоже, щучка попалась.

И вдруг заговорила щука человеческим голосом:

– Отпусти меня, добрый Бабай, обратно в воду. Не пожалеешь.

От неожиданности Бабай так и шарахнулся в сторону. Да мимо саней в снег сел.

– Ух, ты! Как заговорила... Бабаем называет, всё верно.

Потом опомнился. А вдруг почудилось ему?.. Обошёл щуку кругом, с опаской. И спрашивает:

– Ну, отпущу я тебя. И чего тогда? Да мне в жизни такую рыбину не поймать больше. И жена, когда узнает, что отпустил, со свету сживёт.

Отвечает щука:

– Если отпустишь, добрый Бабай, я три твоих желания исполню. Богатым будешь.

– Погоди, погоди! Уж не та ли ты щука, которую Емеля два года назад поймал? Из соседней деревни который?

– Нет, то моя сестра была. Мы с ней у нашей Водяной на посылках служим. Отпусти, Бабай, обратно в воду. Клянись Аллахом, ни разу не пожалеешь.

Задумался Бабай крепко. В затылке скребёт.

– Не знаю, право. Богатство мне ни к чему, вроде? Всё равно отберут. Где взял? Кого убил? В тюрьму посадят. А хуже того бандиты понаедут с паяльниками, с утюгами... Вот если бы коня доброго? А то моя лошадёнка совсем старая стала. Еле ноги волочит.

Согласилась щука.

– Хорошо, будь по-твоему. Да ты оглянись.

Оглянулся Бабай, а в упряжке у него вместо старой клячи – ярый конь, Тулпар настоящий, от нетерпения копытом бьёт.

Ахнул Бабай!

– Вот так да! Ай да, щука! А я-то всю жизнь думал, что Емеля врёт. Ни одному слову не верил. Ну, спасибо! Ну, удружила!

Щука, однако ж, на льду подмерзать стала. Поторапливает рыбака:

– Говори, добрый Бабай, второе желание. Я исполню.

– Ну, это... не знаю, как и сказать. Жена у меня, ох, сварливая. С утра до ночи поедом ест. Никакого житья не

стало. Нельзя ли как-то характер у неё подправить?

– Ну, этой беде легко помочь. Езжай домой, добрый Бабай. Ничего не бойся. Жена тебя любит, ждёт не дожждётся.

Бабай только вздохнул. Не верится ему что-то. Руками развёл.

– Вот и я говорю: все девушки хорошие, а откуда такие жёны берутся – ума не приложу.

Опять щука поторапливает:

– Два твоих желания, добрый Бабай, я уже исполнила. Говори третье и отпусти меня поскорее в воду. Я уже задышаться начинаю.

– Третье, говоришь? – сдвинул старый свой малахай на нос. Снова в затылке скребёт. Но недолго думал, и говорит: – Нет, щука... нет у меня больше желаний. Ступай себе в воду, пока не задохлась.

Столкнул щуку в прорубь. Да ещё рукой вслед помахал.

– Прощай, щука. Плыви себе.

Но щука вновь показала из проруби свою голову.

– Спасибо тебе, добрый Бабай, что отпустил меня. Но если появится третье желание, приходи к этой проруби и произнеси его вслух. Я всё исполню. Прощай.

Сел Бабай в сани:

– Пошёл, Тулпар мой милый.

Птицей сани летят. В одно мгновение с глаз скрылись. Только снег следом клубится, да колокольчик вдалеке звенит, затихая.

5

На другой день, чуть свет, вышел Бабай на крыльцо. Зевает с подвывом, потягивается. Глядь: а жена во дворе уже, лопатой машет, снег разгребаёт.

– Ты куда это, родненький, в такую-то рань? Спи ещё. Я и без тебя одна управлюсь.

А сама мужа в щёки, в бороду – чмок! чмок! чмок! Бабай только головой покачал.

– Нет, абика. У нас сена на сеновале

на три дня осталось. Чем скотину кормить будем? Надо в поле ехать.

– Ну, так я сейчас, мигом. Рыбников напекла... объедение! С собой возьмёшь.

Лопату в снег воткнула. И в избу скорее бежит.

Пока Бабай на конюшню ходил, коня запрягал, жена узелок с едой собрала и ворота торопится отпереть. Потом долго ещё с крыльца вслед рукавичкой махала, слушала, как колокольчик на дуге перезванивает.

– Кормилец ты мой! – И слезу со щеки смахнула.

Вот едет Бабай по заснеженным полям, перелесками едет. Песни поёт. И выезжает на свой покос. Два стога на покосе в зиму у него были оставлены. Сверху, правда, снегу изрядно намело. Но это не беда. Спятил Бабай сани под стог, выбил жерди и – стог уже на санях стоит. Переметывать не надо. Перекинул Бабай через стог слегу, затянул, как следует. Всё – дело сделано.

Задал сена своему Тулпару и решил сам перекусить. Только за узелок взялся, вдруг... как грохнет! В ушах звон. И дымина вокруг! А в дыму, словно из-под земли, Шайтан появился.

Бабай рукавицей помахал перед носом, дым разогнать. Ворчит:

– Ффу! Навонял-то как... нечистая сила! Тебе чего надо здесь?

Шайтан опять удостоверением трясёт. Федеральная инспекция, дескать!

– Ну? И чего теперь?

– Чужое сено воруюсь, Бабай.

У Бабая так челюсть и отвисла от изумления.

– Чужое?! Это моё сено. Сам косил, сам сушил, в копны метал. Покос тоже мой. Он мне от прапрапрадеда достался, башка ты федеральная!

– Э, не дело говоришь. Твой покос уже полгода как продан.

– Врёшь, нечистая сила! Я никому ничего не продавал.

– Тёмный ты человек, Бабай. Газеты надо читать. Радио слушать.

Тут Бабай очередной подвох почувял. Исподлобья смотрит.

– И чего тогда?

– Приватизация, уважаемый! – И Бабаю пальцем по лбу... Тук! Тук! Тук!

– Приватизация?... Это чего такое?

– Хха! У тебя, Бабай, карманы есть?

– Ну, есть. Как не быть...

– Ну, так думай! Думай!

Бабай малахай на нос сдвинул. Долго «репу» чесал. Что за напасть такая... приватизация? Так и не понял.

– Ладно, говори, сколько тебе на карман надо? И хватит башку морочить.

– Хха! Давай посчитаем. Говорят, ты тогда мешок рыбы наловил. Без разрешения. Где рыба?

– Да я...

– Понятно! Рыбу ты утаил. Считаю, украл у государства. Теперь чужое сено воруюсь. За это я могу в зиндан тебя укатать.

– Чего надо-то? Говори уже?

– За сено и за рыбу ты мне в федеральный бюджет барана должен отдать. Жирного барана!

– Якши, ладно. Будет тебе жирный баран. Через неделю за дровами поеду, привяжу твоего барана к дереву. Где рыбу ловили.

– Вот и договорились...

И нет Шайтана, будто сквозь землю провалился. Только дым столбом. Плюнул Бабай, где нечистый стоял, и поехал восвосяи.

– Пошёл, Тулпар мой милый!

6

С той поры ровно неделя прошла. Пора за дровами ехать.

Вышел Бабай на крыльцо. В тулупе, в валенках, малахай на голове. Через плечо моток верёвки переброшен. И топор за поясом. Глядь – а конь у него наготове, в сани запряжён стоит. У забора стог сена, ополовиненный. И жена, румяная, с вилами наперевес. Сено на сеновал носит. Да ещё песни поёт.

– Жена! А, жена! Охапку сена брось в сани, что ли? За дровами поеду. Лёд нынче крепкий, выдержит.

Жена, вилы в снег, сани мигом се-

ном набила. Чтобы ехать мягко было и теплее.

– Шкуру баранью положила? Нет?

– А как же, джаным! Шкура свежая, сырая ещё. Всё, как сказал, так и сделала.

Вот и ладно. Бросил Бабай верёвку в сани. Сам сел. «Пошла, милая!» Только его и видели. Да колокольчик издали-ка звенит, затихая.

Жена вслед рукой долго машет.

– Помоги тебе Аллах, родненький...

– Сама снова за вилы взялась.

Конь у Бабая резвый, мигом на берег речки привёз.

– Тпрру, Тулпар... приехали!

Остановились сани как раз напротив корявой сухостоины. На другой стороне зимний лес, заснеженный, стоит. Вылез Бабай из саней, ноги поразмял. Огляделся. Потом шкуру баранью из саней достал, расправил и к дереву на верёвку привязал. На снег шкуру бросил.

– Вот и ладно. Гостинец вам будет. – В сани плюхнулся. – Пошёл, милый!

Через речку по льду скоро перемахнули и – в лес по зимней дорожке. Только полозья на снегу поскрипывают. Приехали на вырубку, а посреди вырубки у Бабая чурбаки напилены. И в поленницу сложены. Выбрался Бабай из саней, начал с поленницы снег обметать. В лесу тишина. Да дятел где-то носом стучит.

Снег обмёл. Только за чурбак ухватился, чтобы в сани грузить, глядь – а верхом на поленнице Убырлы-карчек сидит. С клюкой. Откуда взялась... никто не видел.

– Ффу, на тебя! До смерти напугала!

– То-то же! А теперь говори, Бабай, где моя рыба? – И клюкой грозитя.

– Где, где? В воде... Где ж ей быть?

– Ты мне шутки тут не вышучивай. А не то до весны из лесу не выпущу. Или в пень превращу!

– Ну-ну, не сердись, уважаемая. Вместо рыбы я тебе барана припас. Жирный баран, вкусный.

– То-то же! И где этот жирный баран? Не вижу...

Бабай руками развёл.

– Мне как такого толстого барана в лес тащить? В такую-то даль? Я на берегу его привязал. Где рыбу ловили. Там ещё сухое дерево стоит. К дереву и привязал. Только тебе, уважаемая, поспешить надо. Там где-то Шайтан бродит, как бы он твоего барана не сожрал.

– Ну, гляди у меня! – Клюкой пригрозила и убежала вскачь ведьма.

– Тьфу... нечистая сила!

Едва успел Бабай чурбан на сани перевалить, глядь – а из чащи, из самого бурелома Шурале на полянку идёт. Сучья под ногами трещат.

– Салям, Бабай! – И лапу тянет, как старому знакомому.

– Дрова воруеть?

– Своё не воруют.

– Закон, уважаемый.

– Что, опять в бюджете концы с концами не сходятся?

– Э-э, совсем худа стала.

– А я тебе барана привёз. Как обещал. Жирный баран, толстый.

Шурале на радостях даже подпрыгнул.

– Где баран?

– Вот чего. Помоги-ка мне дровишки на сани погрузить. Тогда скажу.

Шурале, недолго думая, схватил всю поленницу разом в охапку и переложил на сани. А у самого уже и слюни по бороде текут.

– Мой баран где, говоришь?

– Сухое дерево, на берегу...

– Ну, ну?!

– Где рыбу ловили...

– Баран мой где, спрашиваю?! – бараном орёт. Видно, крепко проголодался.

– И я про это! Я сюда ехал когда, к дереву барана привязал. Только ты поспеши. Там где-то Убырлы бродит, как бы не сожрала.

Шурале, только сучья под ногами трещат, мигом убежал.

– Тьфу ты... нечистая сила! – Сплюнул Бабай вслед. Потом коня по холке потрепал и за узелок с едой взялся. – Пора, Тулпар, милый, нам с тобой тоже

перекусить. Тебе овёс, а я беляшами обойдусь.

7

Первой прибежала на берег Убырлы. Воздух носом ловит, к запахам принюхивается.

– Фу... фу... фу! Бараниной пахнет. А где баран? – Вокруг сухого дерева забегала, озирается, а шкуру под ногами не видит. – Эй, баран?! Ты где?

И вдруг поскользнулась на этой самой шкуре, да так грохнулась... Не сразу в чувство пришла. Потом вскочила, шкура в лапе. На весь лес завывала:

– У-у-у! Проклятый Шайтан сожрал моего барана!

Вдруг, откуда ни возьмись, с рёвом, с воплями Шурале выскочил.

– Старая карга! Обжора! Это мой баран!

– У тебя свой только хвост. И тот отмороженный!

Вцепились оба в шкуру, тянут друг у друга. Убырлы-карчек за «старую каргу» ещё клюкой Шурале охаживает. Вопят... на всю округу.

– Мой баран!

– Вор! Дурень с хвостом!

– Старая кочерга...

Вдруг в клубах дыма Шайтан! С неба, что ли, свалился? И сразу с воем в драку.

– Нечистая сила! Моего барана делая!

Выхватил шкуру и давай этой шкурой хлестать того, другого. Но Убырлы Шайтана клюкой достаёт, а Шурале, будто мельница, длинными лапами, куда ни попадя, молотит. Вой, крики, вопли!

– Ты сожрал!

– Нет, ты!

– Вот тебе!

– Получи, старая карга!

...Бабай ещё со стороны леса, через речку, драку увидел. Пока воз с дровами по льду переправлял, драка вовсе в побоище превратилась. Выехал, наконец, Бабай с дровами на берег, взобрался на воз и долго глядел, как нечистая сила

друг друга мутозит. Не на жизнь, а на смерть. Но решил остановить это дело. Проучил, и довольно с них.

– Ну, будет! Будет вам! Покалечите ещё дружка дружку. Есть у меня, господа нечистые, подарок для вас.

Обступили нечистые Бабая со всех сторон. Еле дышат, с хрипом. Рожи в кровь разбиты. Но баранью шкуру ни один из лап не выпускает. Бабай только головой покачал. И говорит:

– Есть у меня в запасе одно волшебное желание. Если я скажу его вслух, оно тут же исполнится.

– Врёшь, Бабай! – не поверил Шурале.

– Не хочешь, не надо. А если я загадаю вам на троих целое стадо баранов? Тогда как?

Переглянулись нечистые. А что если правду старый говорит?

– Нет! Нет! Нет! Не надо нам баранов! – спохватилась вдруг Убырлы. – Сделай, Бабай, так, чтобы я помолодела. Лет на семьсот. А? А иначе я тебя в пень превращу!

– Погоди, старая карга! – возмутился Шайтан. – Это твоё желание. А нам какая с этого прибыль? У меня, между прочим, тоже желание есть!

– И у меня! – заорал Шурале. – Где мои бараны?!

– Тьфу, на вас обоих! Я замуж выхожу... придурки!

– У-у-у! За кого?!

Тут даже Бабай глаза на ведьму вытаращил. А Шурале с Шайтаном вовсе язык проглотили.

– За Лешего выхожу. Из соседнего леса который. – У самой рот до ушей.

– Хы! То-то гляжу, губы у неё помадой намазаны.

Тут и Шурале опомнился.

– Погоди?... Тогда твоя фамилия будет как? Баба-Яга?!

– Ну, и что? Зато Леший обещал подарить мне новую ступу. С помелом! И-и-ех! Прокачусь!

Шайтан башкой замотал. Да кукишем Убырлы в глаз тычет.

– Вот тебе ступа с помелом! У меня своё желание есть. Я хочу быть Пред-

седателем Совета директоров. В самой Москве чтобы!

– А мне этот лес вот так надоел! – заорал Шурале и ногтем по горлу чирк. – Я хочу замок в Австрийских Альпах! С водопадом чтобы!

– Раскатал губы, дурень отмороженный! Тьфу, на тебя! По-моему будет!

Не на шутку ведьма озлилась, да как даст Шурале клюкой по рогам. А потом и Шайтана своей клюкой достала. Снова драка, да пуще прежнего. Шерсть ключьями по сторонам разлетается.

Смотрел Бабай, смотрел на это дело и говорит:

– Я, господа нечистые, знаю, как все три желания ваши исполнить.

Сразу драка прекратилась. Бабая опять со всех сторон обступили. За рукава дёргают. Говори, дескать, не томи.

– Тогда слушайте. Убырлы, так и быть, станет Бабой-Ягой. Тебя, Шайтан, отправим в Москву, председателем. А Шурале получит свой замок.

– Ух, ты! Загадывай желание! – обрадовались нечистые, сами лапы потирают. Бабай им на прорубь показывает.

– Видишь, прорубь замёрзла. Долби давай.

Шурале топнул ногой и пробил лёд. Да так, что вода выплеснулась.

– Тсс! Теперь тихо сидите.

Встал Бабай над прорубью, потом говорит:

– Щука-джан, исполни моё третье желание. Как обещала. Пусть все трое, эти... сгинут с глаз моих навсегда и получат, чего сами хотят. А?

Только свою просьбу сказал... Трах-тара-ррах! И все три нечистых исчезли, как и не было вовсе. Покрутил Бабай головой туда, покрутил сюда. Никого!

– Рахмат, Щука-джан. Вовек твою доброту не забуду.

Подобрал баранью шкуру. Разглядел со всех сторон, руно разгладил.

– Ххе! Цела шкура-то. Вот и ладно. Сгодится. – Уселся Бабай на дровни, шкуру под себя бросил. – Пошёл, Тулпар мой милый!

И нет Бабая. Только колокольчик звенит, затихая. Долго-долго.

Вот и сказке конец. Кто слушал – молодец!

Шурале сейчас живёт в своём замке, в Австрийских Альпах. С водопадом. Очень доволен! Шайтан стал Председателем Совета директоров. Поговаривают, будто... Газпрома. А Убырлы-карчек... о, простите, Баба-Яга! Баба-Яга сейчас рассекает просторы России на шестисотой ступе с турбонаддувом.

Бабай с супругой тоже счастливы, душа в душу живут. Добра наживают. Вам всем, люди добрые, приветы передают!